

ПРЕДЫСТОРИЯ ДУХОВОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА УКРАИНЫ

Богданов В. А., доцент кафедры духовых оркестровых инструментов,
кандидат искусствоведения, заслуженный артист России,
член Национального Союза композиторов Украины
Харьковский государственный университет искусств
им. И. П. Котляревского

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает предысторию духового музыкального искусства Украины.

Ключевые слова: музыкальное искусство, духовые инструменты, музыкальная культура.

Анотація. Богданов В.О. Передісторія духового музичного мистецтва України. У даній статті автор розглядає передісторію духового музичного мистецтва України.

Ключові слова: музичне мистецтво, духові інструменти, музична культура.

Annotation. Bogdanow V.A. Background wind musical art of Ukraine. In the real article an author examines history of spirit musical art of Ukraine.

Key words: musical art, wind instruments, musical culture.

Постановка проблемы. Духовое музыкальное искусство в Украине имеет свою многовековую историю. Ее отдельные этапы изучены явно недостаточно, а период зарождения вообще предстает белым пятном. В настоящее время известны только разрозненные сведения о духовом музыкальном искусстве этого длительного исторического периода.

Анализ последних исследований и публикаций. Сведения о духовом музыкальном искусстве Украины содержатся в исследованиях, посвященных, главным образом, другим проблемам, а случайные сведения – в трудах по археологии и в публикациях о новых находках.

Результаты исследований. Практическая ценность исследования определяется адресной направленностью к музыковедам, историкам музыки, студентам учебных заведений и исполнителям на духовых инструментах.

К постановке задания. Предлагаемый очерк включает систематизированные сведения о начале истории духового музыкального искусства – от зарождения на земле украинской до распада Киевской Руси в первой половине XIII века.

Изложение основного материала. История духовых инструментов Украины тесно связана с судьбами народов, населявших ее территорию. Многочисленные памятники древней материальной культуры, свидетельства иностранных путешественников и первых русских летописцев, устная народная традиция устанавливают наличие у древних восточных славян многочисленного и своеобразного инструментария, включающего и духовые музыкальные инструменты.

Украинские духовые инструменты, как у всех народов мира, относятся к числу древнейших. Ряд археологических находок свидетельствуют об их раннем

бытовании. Так, в ходе раскопок Днестровской археологической экспедиции Института общественных наук Львовского филиала Академии наук УССР, которые проводились на правом берегу Днестра у села Молодова Кельменецкого района Черновицкой области в 1953-1954гг., А. Чернышом были обнаружены две флейты, относящиеся к древнейшему периоду каменного века – палеолиту.

Огромный интерес из обнаруженных инструментов представляет поделка из рога северного оленя, относящаяся к позднемадленскому времени. Рог имеет размеры 21x1,3x1,2 см. Цвет поверхности рога – коричневый. Внутри имеется продольное конусообразное отверстие диаметром от 1 до 5мм., сделанное в губчатой массе. На узком конце есть четыре овальных отверстия размерами 5x2мм, 6x3мм, 2x2мм, 2x4мм., расположенные в одну линию, а на противоположном конце с нижней стороны еще два отверстия диаметром 2 и 1,5 мм. Внутреннее продольное отверстие в роге не сквозное, а заканчивается возле четвертого крайнего отверстия. Продольное искусственное отверстие, четыре поперечных отверстия в узкой (мундштучной) части, полоски-следы, очевидно, от поперечного обвязывания, а также два отверстия в нижнем конце – все эти особенности позволяют считать находку музыкальным инструментом типа флейты первым из обнаруженных на палеолитической стоянке современной территории Украины [1, с. 129-130].

На этой же стоянке А. Черныш в 1954 г. обнаружил еще один образец палеолитической флейты. В отличие от первой, обнаруженной в четвертом позднемадленском горизонте стоянки при раскопках 1953 г., вторая флейта найдена во втором горизонте культурного слоя, что свидетельствует о более позднем времени ее существования – конце палеолита. Как и первая, эта флейта сделана из рога северного оленя. Рог имеет длину 19,5 см, средний его диаметр 14 мм. Для изготовления инструмента был использован рог с отростком. В нем имеется сквозное горизонтальное, а также вертикальные отверстия диаметром 1-2 мм. В мундштучной части рога хорошо сохранились три вертикальных отверстия, расположенных по одной линии, близко друг к другу, а также видны следы четырех отверстий, расположенных по одной линии. На верхней (мундштучной) части имеется, таким образом, семь вертикальных отверстий, а на оборотной – два. На нижнем конце инструмента также есть два отверстия: одно у раздвоения рога, другое диаметром 2 мм, сбоку, в его основании. Через второе, очевидно, выдувался воздух из внутренней полости. Таким образом, инструмент имеет десять вертикальных и одно отверстие в основании, что свидетельствует о большей его технической сложности, а также о возможности воспроизведения на нем большего числа звуков.

Эта находка является доказательством не только бытования в палеолитическое и мезолитическое время музыкальных инструментов, но и того, что в ту далекую эпоху музыкальные инструменты постепенно развивались, совершенствовались. Найденная в 1954 г. на стоянке Молодова 5 флейта — самый сложный и древний музыкальный инструмент палеолитических стоянок, известных в настоящее время [2, с. 150-151].

В 1931 г. на левом берегу реки Кальмиус в Приазовье проводились раскопки Мариупольского могильника. Здесь, наряду с другими предметами, были обнаружены семь дудочек, относящиеся к периоду неолита. Под тяжестью земли, пишет Н. Макаренко, все они были повреждены, но форму и размер установить удалось. Длина некоторых достигала 0,10 м, а диаметр 0,015 м. Сделаны они из птичьей кости с очень тонкими стенками. Сверху дудочки украшены поперечными нарезками. Одни из них очень короткие и располагаются несколькими равномерными рядами, другие сделаны плотными кругами. Назначение нарезков, скорее всего, декоративное. Отверстий дудочки не имели [3, с. 43, 60-61].

Представляется, что найденные дудочки роднятся с флейтой типа флейты Пана, поскольку дудочки имеют различную длину и лежали в ряд. А таковая в Украине бытовала: в 1795г. М. Гутри в “Диссертациях о русских древностях” писал: “Свирель — точь-в-точь древний сирикс, или дудка Панова, составленная из семи неравных трубок, которая и по сие время еще в употреблении казаков” [4, с. 73].

Обнаруженные в Мариупольском могильнике семь дудочек могли быть далеким прообразом украинского народного музыкального духового инструмента – кувикл, многоствольной флейты.

Известно, что приблизительно с VII в. до н. э. Черноморское побережье было заселено греческими поселенцами. Производимые археологические раскопки их древних городов выявили много художественных памятников, свидетельствующих о продолжительном и территориально распространенном (вплоть до современной Киевской области) культурном влиянии греков на обитателей расположенных к северу от них земель.

Плутарх в “Тире семи мудрецов” приводит такой диалог: Ардал, сын бога Гефеста, считавшийся изобретателем флейты, спросил у скифского мудреца Анахарсиса, имеют ли скифы флейтисток? Тот ответил, что у них нет даже лоз [5, с.285]. Из этого ответа можно сделать вывод, что в Скифии в те времена не было винограда и не было вина и пиров, на которых играли бы флейтистки, т.е. у скифов отсутствовали не флейты, а обычаи и обряды, аналогичные греческим, на которых играли бы флейтистки.

Такое соображение находит косвенное подтверждение в трудах Аристотеля [6]. Возможно, что флейты у скифов были, поскольку на территории Скифии еще в палеолитическое время существовали музыкальные инструменты (см. обнаруженные А. Чернышом, с. 2-3).

Юлий Полидевк (вторая половина II в. н. э.) в четвертой книге “Словаря” сообщает о видах музыкальных инструментов разных племен и указывает, что “скифы и между ними в особенности андрофаги, меланхлены и аримаспы дуют в кости орлов и коршунов наподобие флейт” [7, с. 266].

В “Истории” Геродота – греческой энциклопедии о народах, населявших территорию бывшего СССР, в том числе и территорию современной Украины, имеется указание о сочинении и исполнении гимнов Оленом – легендарным певцом, которого иногда называют гипербореем. О духовых инструментах у Скифов, к сожалению, здесь речи нет.

“Подтверждением взаимовлияния скифской и греческих культур, - пишет Б. Фильц, - служит золотой перстень из Неаполя Скифского (Крым), где на геме изображен музыкант, играющий на двойной флейте. Судя по одежде, он не грек (обут в высокие сапоги), но перстень сделан греческими ювелирами” [8, с. 140]. Данная находка свидетельствует о бытовании у скифов духовых инструментов, в частности флейт, а так же о значительном распространении греческой культуры на территории Скифии.

Интересным документом, свидетельствующем о музыкальном инструментарии народов Черноморского побережья, является фреска пантикапейской катакомбы (Керчь, вторая половина IV в. до н.э.), открытая в 1842 г. и описанная в 1845 г. одесским археологом А. Ашиком [9, с. 26-28]. Труд последнего приобретает в данном случае исключительную ценность, поскольку упоминаемая фреска впоследствии исчезла. На фреске изображены музыканты, разделенные на две группы: смешанный ансамбль — две трубы и флейта Пана и хор трубачей — дважды по четыре трубы. Обе группы трубачей являются участниками одной погребальной процессии. Из этого можно сделать вывод, что музыканты тех времен играли важную роль в погребальных обрядах, а однородный состав из четырех труб представлял стройный гармонический “хор”.

На верхней части фрески изображены три музыканта, и по утверждению А. Ашика, они составляли отдельную группу, не относящуюся к похоронам, а готовящуюся к игре на пиршестве после похорон и во время жертвоприношений. Как правило, указывает А. Ашик, это были люди молодые и приятной наружности, в обязанности которых входило руководство похоронным пением и развлечение скорбящих.

Характерно, что трубачи, изображенные на фреске, держат инструменты то левой, то правой рукой. Об аналогичном и неопределенном явлении — свидетельствует и фрагмент фрески Софийского собора в Киеве, на которой изображен музыкант с флейтой в непривычном “левом положении”. Несмотря на то, что обе упомянутые фрески разделяет большой период времени (приблизительно 1500 лет), тенденция “неопределенности постановки” наглядно их связывает.

Ко второй половине IV в. до н. э. археологи относят известняковую стелу, обнаруженную В. Шкорпиллом в 1906 г. около Нового Карантина при раскопках некрополя Мирмекий. На ней написано “Пасафиликата – флейтист” [10, с. 481]. К первым векам н. э. относится обнаруженная в Пантикапее часть флейты из слоновой кости, ко II в. н. э. — изображения на пантикапейском саркофаге двух музыкантов с двойной флейтой [11, с. 309; 12, с. 309]. Как и стела из Нового Карантина, так и оба вышеупомянутые памятники для исследователя особенно ценны, поскольку надписи на них содержат указания о профессиональной принадлежности умерших и дают основание утверждать, что флейты и трубы были известны грекам Причерноморья, а исполнители на них особо почитались.

В первые века н. э. внимание Причерноморских греков к музыкальному искусству было столь велико, что наряду с состязаниями спортсменов, поэтов,

хоровых коллективов они проводили состязания флейтистов и трубачей. Об этом можно судить по обломку плиты из прокконесского мрамора, найденного на акрополе в Херсонесе археологом К. Косцюшко-Валюжиничем в 1903 г. [13, с. 103].

Знакомясь с музыкальными памятниками скифов, сарматов и эллинов греческих колоний Черноморского побережья, сохранившихся до сего времени в недрах земли, убеждаемся в том, что то далекое прошлое народов, населявших Причерноморье не прошло бесследно и для будущих славян.

Прообраз далекого предшественника современной валторны – охотничий или военный рог, бытовавший, очевидно, до н. э., был найден недалеко от Симферополя [14, с. 17]. Если учесть, что инструмент был найден в могиле знатного лица или воина, то напрашивается аналогия с погребениями рыцарей-воинов Европы (X-XI вв.), которые носили на поясах подобные рога как неотъемлемую часть снаряжения. Аналогичные охотничьи рога найдены в Черниговском кургане “Черная могила” намного позднее, в X в. Историческая параллель позволяет предположить, что реликвии Черниговского кургана, уже, несомненно, славянского происхождения, имели то же назначение — охотничье или военное.

Представления о достаточном разнообразии музыкального инструментария восточных славян начала н.э. дополняют результаты в селе Жовнин Чернобаевского района Черкасской области, где были найдены две костяные трубки с отверстиями, напоминающие свирель [15, с. 276].

В 1893 г. при раскопках Великокняжеского двора в Киеве по бывшей Трехсвятительской улице на усадьбе инженера Кривцова Й. Хойновский, наряду с другими предметами, обнаружил также две костяные сопилки (свириели) [16, с. 158].

Историк Феофилакт Симокатта (592 г.) говорит об эпизоде пленения византийским императором “трех людей из племени славян”, живших на краю западного океана (Балтийского моря. – В. Б.), которые “не привыкли облекать свои тела в железное оружие (их страна не знает железа) и потому мирно и без мятежей проводят жизнь, играют на лирах, ибо не обучены трубить в трубы” [17, с. 139-140].

Во второй половине X и в XI веке государственно-политическая и культурная жизнь Киевской Руси достигла высокого уровня. Киев превратился в один из передовых культурных центров, в котором интенсивно развивались наука и просвещение, расцветало музыкальное искусство, возникали выдающиеся очаги самобытной культуры, как, например, Киево-Печерский монастырь — центр древнерусского летописания.

О расцвете музыкального искусства в Киевской Руси того времени, в частности инструментального, говорит тот факт, что славяне в качестве профессиональных музыкантов, находились на службе в других государствах, например, в Византии: известно, что император Константин Багрянородный в X в. предписывал, “чтобы в день народных игр чиностроитель каждого наряжал к своему делу и приказывал славянам, которые употреблялись при инструментальной игре, оставив входы, идти на “феатр” [18, с. 126,127].

В Киевской Руси музыка, как и везде в мире, использовалась при княжеском дворе в виде светского музицирования, в ратном деле и в народном быту. В первом случае она сопровождала и веселые разгульные пирушки, и торжественные церемонии, в том числе приемы послов, торжественные выезды князей и их свиты, и т. п.

Замечательным документом, подтверждающим важную роль музыки в быту Киевской Руси, является фреска Софийского собора, построенного в XI в. Ярославом Мудрым. На ней представлены подмостки, где идет театрализованное представление. В нем участвуют танцоры, акробаты и своеобразный оркестрансамбль, включающий исполнителей на органе, духовых, струнном и ударном инструментах. В руках одного из музыкантов изображен инструмент, напоминающий поперечную флейту, два других похожи на трубы, скорее всего, византийской формы. Один участник изображен с тарелками, причем флейтист и тарелочник в то же время пляшут. Одежда некоторых музыкантов не отличается от одежды западных менестрелей и трубадуров того времени [19, с. 50-57]. Следовательно, можно предположить, что наряду с местными исполнителями на духовых инструментах, при дворе киевских князей бывали и иностранные группы музыкантов и фокусников.

Еще одним свидетельством распространения музыки, и в частности духовой, при княжеском дворе является заявление игумена Киево-Печерского монастыря. Феодосий Печерский после одного из своих посещений (приблизительно 1073 г. – начало 1074 г.) великого князя Святослава Ярославича (годы княжения в Киеве 1073-1076) пишет, что "... и яко вниде в храм, идеже б князь седа, и се виде многы играюща пред ним: овы гуслияныя гласы испущающем, другыя ж органыя гласы поущем, и инем замарыныя писки гласящем, и тако вьсем играющем и веселящемся, якоже обычай есть пред князем" [20, с. 380-381].

Здесь, как и на фреске, упомянуты те же группы инструментов: духовые, орган и струнные типа гуслей. Очевидно, такой состав исполнителей в те времена был традиционным при княжеском дворе.

В различных летописях многократно говорится о широком бытовании в Киевской Руси военной музыки: в состав каждой воинской дружины входили музыканты — исполнители на трубах, сурнах, сопелях и ударных инструментах.

На многочисленных древнерусских миниатюрах, в том числе и киевских, на заставках книг и летописей часто встречаются изображения трубачей и труб. К числу ранних упоминаний о них относятся строки из повествования об осаде Киева печенегами в 968 г. из Лаврентьевской летописи: "...яко бы заоутра, вседше в лодью противу свету и вструбиша вельми, и людье в граде кликнуша. Печенежи же мнеша князя пришедша, побегоша разнo от града" [21, с. 65, 66]. Один из летописцев, говоря о болгарском походе князя Святослава Игоревича (960 годы), отмечал, что Святослав "повеле воем оболочиться ... пойде полк по полце бьюще в бубны и в трубы". Н. Финдейзен, характеризуя одну из миниатюр "Манасеиной летописи" Ватиканского списка, на которой изображены две сцены похода Святослава на

болгар “Плен рускы” и “Идут на Днестр” указывает, что “в обоих случаях среди вооруженных всадников изображены трубачи на конях. Поза трубача второй группы несомненно показывает, что он как бы вызывает на бой” [22, с. 62].

Поскольку в то время извлечение ограниченного звукоряда достигалось посредством передувания и соответствующих действий губного аппарата, применение труб ограничивалось сигнальной ролью.

К числу первых сведений о сурне как войсковом музыкальном инструменте следует отнести данные начала XIII в. В Тверском сборнике под 1220 г. помечено, что перед штурмом города Болгара на Волге Святослав “...повеле воем вооружатися, и стяги наволочив, изрядив полки в насадах, и удариша в накры, и в органы, и в трубы, и в сурны, и в посвистели...” [23, с. 331].

В течение XI–XII вв. состав музыкальных инструментов в дружинах видимо был тем же, ибо в Ипатьевской летописи говорится, что в 1151 г., т. е. в середине XII в. “Почаша бити в бубны и в трубы трубити полци же начаша доспевати” [24, с. 436].

Бытовали в военном обиходе в качестве сигнальных инструментов и турьи рога. Д. Самоквасов, обнаруживший пару турьих рогов в кургане “Черная могила” в 1873 г. [см. с. 7], назвал рога кубками [25, с. 345]. Русский музыковед Н. Финдейзен в труде “Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в.” определил их как музыкальные инструменты [26, с. 27]. К сожалению, с полной уверенностью присоединиться к мнению ни одного из них нельзя, поскольку оба рога сохранились в изломанном виде. Ближе к мундштуку они расщеплены, оправа частично разрушена и поэтому невозможно судить о том, какими они были – замкнутыми или имели мундштучное отверстие.

Утверждение Н. Финдейзена представляется более правдоподобным. Основанием тому служит обстоятельство, что рога обнаружены в комплексе военного снаряжения (два железных шлема, две железных кольчуги, два длинных ножевидных обоюдоострых предмета, бронзовая статуэтка, изображающая человека-божка) [27, с. 198–199]. Упомянутые рога здесь фигурировали, очевидно, в качестве сигнальных инструментов. Тем более, что они не равновелики. Первый рог – 12-ти вершковой длины — приблизительно 54 см. Второй же подобен предыдущему, но шире его и длиннее: 15-ти вершков, т. е. около 67 см. Таким образом, каждый рог мог издавать звуки определённой высоты, а вместе – различные сигналы.

В древнерусском ратном деле турьи рога, несомненно, играли роль организующего начала и применялись при сборе дружин и для подачи боевых сигналов. Появлению же турьих рогов у славянских племен способствовал их образ жизни, тесно связанный со скотоводством и охотой.

Под звуки труб, барабанов, бубнов и литавр князь вели свое войско в поход, призывные звуки труб были слышны во время сражения или штурма крепостных стен. В Ипатьевской летописи под 1151 г. упоминается, что “...яко зоре почашася заимати преж в Дюрдя в бубны в полку и в трубы ветрубиша, полци же начата доспевати тако же оу Вячеслава и оу Изяслава и оу Ростислава почаша бити в бубны и в трубы трубити полци же начаша доспевати” [28, с. 436].

О. Подобедова, занимавшаяся изучением Радзивилловской летописи, обратила внимание на то, что, начиная с 167 листа часто говорится о герольде в двухцветной одежде, который трубит или держит трубу с узким развевающимся стягом. Связанный с изображением рати, во всех случаях он символизирует начало военных действий. Однако на л. 207 изображается как бы состязание двух герольдов, видимо, представляющих два противоборствующих города [29, с. 80].

В “Слове о полку Игореве”, описывающем события 1185 г., также упоминается о музыкальных инструментах в войсках: “Комони ржуть за Сулою, звенить слава в Києве. Трубы трубять в Новеграде, стоять стязи в Путивле...”. И далее: “А мои ти куряни сведоми кмети: под трубами повити, под шеломы взлелеяны, конец копия вскремлени” [30, с. 32].

Все это указывает на большую организующую роль духовых инструментов в войсках Киевской Руси. Инструменты имели определенную социальную символику, связанную со сложившимися традициями. Ратная труба была почитаема как активизирующий героико-патриотические чувства инструмент. Об этом прямо говорит Феодосий Печерский в “Поучении о терпении и милости”: “Рати бо належачи и трубе воинстей трубяши, никтоже можетъ спати: и воину христову лепо ли есть ленитися” [31, с. 67]. Как символ ратной доблести она противопоставлялась гуслим и другим распространенным в народе инструментам.

Христианство принесло в Киевскую Русь с годами неизменно усиливавшиеся по строгости аскетические взгляды на мир и его соблазны. К числу последних была отнесена и музыка, как устойчивый атрибут прежних языческих обрядов. Гусли и другие народные инструменты стали считаться греховными. Об этом говорится в христианском поучении XI в.: “Как труба собирает воинов, молитва же творимая собирает ангелов божиих, так сопели и гусли собирают около себя бестыдных бесов” [32, с. 19]. В Лаврентьевской летописи под 1068 г. отмечено: “... дьявол лститъ и другыми нравы всячьскими лестьми пребавля... трубами и скоморохы гуслими и русальи види бо игрища оутолочена и люди много множество на них яко пхати начнуть друг друга” [33, с. 170].

Жесткие административные меры, предпринятые со стороны церкви и правящей верхушки в конце XVI – начале XVII вв. против скоморошества — носителей народной музыкальной культуры, возможно, и явились одной из причин ухода со сцены многих духовых и струнных инструментов древности, а те, что остались — трансформировались в процессе их реконструкции в “культурные” инструменты и лишь в единичных случаях остались достоянием народной музыкальной практики.

История не сохранила сведений о музыкальном образовании в Украине до XV в., тем не менее, оно существовало. Свидетельством того является реплика В. Аскоченского в труде “Киев с древнейшим его училищем Академиею”: “В 1086 г. великий князь Всеволод Ярославич, заложив в Киеве церковь святого Андрея, основал при ней женский монастырь, в котором постриглась и первая дочь его, девица Анна. Благочестивая отшельница не довольствуясь

труженическими подвигами, учредила при монастыре школу для обучения девиц, приняв на себя само звание учительницы. В этом первенце всех женских училищ и институтов на святой Руси царственная наставница обучала девиц чтению, пению, письму и всяким женским рукодельям” [34, с. 6]. К сожалению, автор не приводит источника, откуда эти сведения заимствованы.

В XIII в. Киевская Русь потеряла свою силу в результате княжеских междоусобиц и татаро-монгольского нашествия. Многие города были разрушены и пришли в упадок, погибло огромное количество памятников культуры — архитектурных сооружений, книг, певческих рукописей, а Киев в 1240 г. был полностью разрушен многочисленным войском хана Батыея. Причинив огромный ущерб культуре Киева и другим древнерусским городам, завоеватели не смогли ее уничтожить.

Развитие древнеукраинской музыкальной культуры испытало значительное торможение, но великие культурные достижения времен Киевской Руси и после ее распада сохранились в народной традиции и со временем стали фундаментом для возникновения и дальнейшего развития музыкальной, в том числе и духовой, культуры уже трех братских восточнославянских народов.

Литература и примечания:

1. Черныш А. Флейта палеолитического времени // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – М., 1955. – Вып. 59.
2. Черныш А. Новые находки из раскопок стоянки Молодова 5 на Днестре // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – М., 1956. – Вып. 63.
3. Макаренко М. Маріупольський могильник. – Київ, 1933.
4. Гутри М. Диссертации о русских древностях // Маяк. – 1844. – Т. 13, кн. 25, гл. III.
5. Латышев В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник Древней истории. – М.-Л., 1947. – №4 /22/.
6. Во второй “Аналитике” Аристотель говорит об изречении Анахарсиса следующим образом: “Там не играют на флейте потому, что там нет виноградных лоз и, следовательно, соответствующего (для игры) настроения” (Аристотель. Аналитики. – М., 1952. – С. 407). В схолиях же к Аристотелю Фемистий пишет, что “ближайшее причиной отсутствия флейтисток было отсутствие пьянства, а причиной последнего – отсутствие лоз”. (Латышев В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник Древней истории. – М.-Л., 1947. – №2 /20/. – С. 331).
7. Латышев В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник Древней истории. – М.-Л., 1948. – №2 /24/.
8. Фільц Б. Музична культура східних слов’ян // Історія української музики. – Київ, 1989. – Т. 1.
9. Ашик А. Керченские древности. О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. – Одесса, 1845.
10. Корпус боспорских надписей. – М.-Л., 1965.
11. Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984.
12. Там же.
13. Соломоник Э. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. – Киев, 1973.
14. Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. – М.-Л., 1928. – Т. 1. – Вып. 1.

15. Археологические открытия 1969г. – М., 1970.
16. Хойновский И. Археологические сведения о предках славян и Руси. – Киев, 1896.
17. Феофилакт Симокатта. История. – М., 1957.
18. Штриттер Ив. Известия византийских историков, объясняющие Российскую историю древних времен и поселения народов. О славянах. -Спб., 1770 . – Ч. I.
19. Высоцкий С., Тощкая И. Новое о фреске “Скоморохи” в Софии Киевской // Культура и искусство Древней Руси. – Л., 1967.
20. Памятники литературы Древней Руси. – М., 1978.
21. Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 1.
22. Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. – М.-Л., 1928. – Т. 1. – Вып. 1.
23. Полное собрание русских летописей. – М., 1965. – Т. 15.
24. Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 2.
25. Самоквасов Д. Древние земляные насыпи и их значение для науки // Древняя и новая Россия. – М., 1876. – Т. I.
26. Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. – М.-Л., 1928. – Т. 1. – Вып. 1.
27. Описание археологических раскопок и собрания древностей профессора Д. Я. Самоквасова. Труды Московского комитета по устройству Черниговского археологического съезда. – М., 1908.
28. Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 2.
29. Подобедова О. Миниатюры русских исторических рукописей. – М., 1965.
30. Слово о полку Игореве. – М., 1938.
31. Древняя Русь XI – XVII века // История русской музыки. – М., 1903. Т. 1.
32. Левашова О., Келдыш Ю., Кандинский А. История русской музыки. – М., 1980. – Т. 1.
33. Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 1.
34. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. – Киев, 1856. – Ч. 1.

Надійшла до редакції 11.12.2007